

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

УДК 93/99

Я.Г. Солодкин
г. Нижневартовск, Россия

ПЕРВЫЕ МОСКОВСКИЕ ПАТРИАРХИ В ОЦЕНКАХ ДЬЯКА ИВАНА ТИМОФЕЕВА

Аннотация. Иван Тимофеев, размышляя о событиях и деятелях русской истории середины XVI – начала XVII вв., оставил емкие оценки патриархов Иова, Игнатия, Гермогена и Филарета, прежде не служившие предметом специального рассмотрения. Первого из них автор «Временника» часто осуждал за угодничество перед Борисом Годуновым, особенно в пору воцарения недавнего правителя, второго – ставленника Лжедмитрия I – вообще признавал «несвященным». Зато дяк восторженно отзывался о Гермогене (поскольку этот «отценаачальник» ревностно отстаивал устои православия от «латын», а также их русских пособников) и Филарете (будучи в польском плену, митрополит бесстрашно противостоял иноверцам, а на патриаршем престоле, являясь соправителем сына, помимо «устроения» пережившей междоусобие страны заботился о «сырых и немощных»). Оригинальный мыслитель в этих отзывах во многом вторит своим современникам, только суждения Тимофеева про Иова не имеют аналогий в отечественной публицистике первой трети XVII в., отразившей перипетии «всеконечного разорения».

Ключевые слова: Дяк Иван Тимофеев, его «Временник», воцарение Бориса Годунова, московская Смута, патриархи Иов, Игнатий, Гермоген, Филарет, русская публицистика первой трети XVII в.

Сведения об авторе: Солодкин Янкель Гутманович, доктор исторических наук, Нижневартовский государственный университет, г. Нижневартовск, Россия, goshist@mail.ru

«Временник» Ивана Тимофеева – выдающийся памятник русской общественно-политической и исторической мысли первой трети XVII в. – в значительной мере представляет собой «собрание характеристик деятелей» и событий Смуты [14, с. 11; 13, с. 12; 15, с. 580 и др.]¹. В центре внимания автора оказались московские цари – от Ивана «Всегрозного» до «срамодействующего» Василия Шуйского; их образы в изображении публициста прежде всего занимают и многих исследователей его «хартицы», обнаруженной без малого два века тому назад [см., напр.: 8, с. 375–390, 393]. Оценки же «историком-мыслителем», как назвал Тимофеева В.О. Ключевский [10, с. 391–392], московских патриархов кануна и времени «смятения во всей Русской земле» (всех этих «отценаачальников» дяк мог видеть в годы своей службы в столице) до сих пор не стали предметом специального рассмотрения.

«Святостные ... вышнения» – переименования при «самодержавном вправду» Федоре Ивановиче, в годы правления Бориса Годунова, митрополита в патриархи, а архиепископов в митрополиты – автор «всесложения» не осмелился отнести «к прочим гордостным» делам

¹ Считать «Временник» «по сути дела» собранием таких характеристик, как заключил Д.С. Лихачев, однако, не приходится, ибо едва ли не половину своего «списания» автор отвел царствованию Ивана IV, его «преблаженного» наследника, правлению и «державству» Бориса Годунова. Кроме того, значительное место в этом произведении занимают размышления о причинах неслыханного «разорения и «общерабства», пережитых «Русской землей» после смерти «злоковарного» «деспода» Бориса.

царского шурина, который вскоре сам «совершенно одеся ... превсесветлаго благолепия порфирию», заметив, что «настольнейшим (архиереям. – Я.С.) се не неугодно иже сими красящимся» [7, с. 77–78, 80].

Сообщив об основании Донского монастыря в честь победы над татарами (как уверяет дьяк, мнимой) летом 1591 г., создатель «Временника» утверждает, будто «злому властолюбцу» Борису «о сем прикровенми лукавству в духовных и святительнии (по всей видимости, во главе с патриархом. – Я.С.) во льсти послужаща ..., якоже последи (вероятно, когда «Большому» Годунову удалось «царствия ... высоты достигнути». – Я.С.) сокровенная сих ... обличатся обоих лукавство и леть»; коварный «пестун» прослывшего блаженным государя даже «первосвятители законоположи и устави» совершать ежегодно крестный ход из Москвы на место «обознаго стояния» русских войск [7, с. 43, ср. 60; 8, с. 383].

Тимофеев, писавший об избрании «рабоименного» Бориса на престол как очевидец [8, с. 383–384; 23, с. 88, 110–111, примеч. 3, и др.], вспоминал, что тогда «рачители» правителя «ускорили ... самого архиерея (патриарха Иова. – Я.С.)² во двор и подьяща (взяли с собой. – Я.С.) и с крестопокланяемою всею честью ... во святомолемне устроении» отправились в Новодевичий монастырь, где вместе с сестрой-«мнихоцарицей» (ранее бывшей «содержавной ... супругой свенечной» Федора Ивановича) обосновался «гордолубец» Борис.

Уже после вступления Годунова «на верх царския всея высоты», – возмущенно свидетельствует дьяк, – «церковнии святонастольницы великому (новому «десподу». – Я.С.) угождающе, оному же сим приповелевающе» совершать крестный ход от Успенского собора в Новодевичий монастырь, формально отмечая праздник Богоматери, «вещью же царюющего угождению сокровне» в напоминание об избрании его «во главу всем»; в этом обнаружилось «первосвятителя (Иова – Я.С.) с прочими ... лесное послужение в животе» новому «скифетродержцу» [7, с. 52–53, 58–60, 480, комм. 154]. Особое негодование «писателя» вызвало то, что «рабоцарь» приказал целовать ему крест не в домах, как традиционно бывало, а в храмах, и такое «богопротивное» распоряжение «архиерей отец» и другие «верховные» не оспаривали, поступая «наемника образом вси, неже пастырски». В то время Иов, как читаем в «сказаньях» Тимофеева, стоял на своем месте в Успенском соборе, «яко безгласну славнаго (Бориса. – Я.С.) одоле страхом», хотя должен был повелеть «заклучити храм», – «толико глагол царев превозмогаша». В принесении клятвы «вселукавому» Годунову в церквах, по убеждению «слогателя», виновны «иже в первых первый сам святейший верх», т. е. патриарх, и все четыре митрополита, а также «от синклит благородием великия», которые «повелением мирообладателя», иначе говоря, всезлаго властолюбца», подчинились, «человекоугодне со страстию летающе»; «безсловеснии пифицы (обезьяны – Я.С.) соплетохося неразумием» [7, с. 66–70, ср. 16, 43]³.

Как мы узнаем из «Временника», УГ о его избрании на царство, подписанную «от первосвятителя и синклит весь (бояр. – Я.С.) даже бо и до нарочитых», иначе говоря, видных дворян и дьяков (среди которых был и Тимофеев), по указанию Бориса вложили в раку чудотворца Петра (что сомнительно [см. 21, с. 93, и др.], и «святителей на се (новый

² Ранее в «книгах» дьяка мы читаем о том, что «миропреподобного» царя и «первосвятителя», затем их же «с прочими посреде собора» ездившие в Углич сарский митрополит и «велможа благороден велми», т. е. князь В.И. Шуйский (которые «от губителя (Годунова. – Я.С.) страхом научени быша»), известили о самозаклании царевича Дмитрия, а «великие», надо думать, бояре, во главе с «санолубным» Борисом по возвращении из обоза, устроенного для защиты от татар, в Москву донесли царю и патриарху о бегстве крымского хана из предместий столицы [7, с. 30–31, 40].

³ Утверждая, будто Борис «величайших убо устраши и бездерзновенно сотвори» [7, с. 27, ср. 32–33, 35, 45, 69], автор «писмян», как можно полагать, имел в виду и «святоименных отцов».

государь. – Я.С.) принуди, ласкательми же наумняем». Если верить автору «сложения», в годы «державства» Бориса его «прелестники» или «человекоугодницы» «святую двоицу, не разлучимую Богом» – «мучеников всероссийских князей самобратных по плоти Бориса и Глеба, во святом крещении Роман и Давид», иконописцы «на дцках разлучаху единого от другаго; вящшаго (старшего – Я.С.) описующе, яко почитаема мняху, ... юннаго (младшего – Я.С.) же ... яко презираема ... отторгаху». (Борис забыл, что «в жизнь бо самую иже во блаженных Феодора тацы же бяху временопрелестницы воздвижение храмов и воображения икон державных ради имен утворяху многи», а по смерти этого «благого» царя перестали «возвышати иконами» его имя)⁴. К указанному греху, оказывается, «сопричастен ... духовная кормила объемый», он «умолчевая, а не поучевая, ни обличая» [7, с. 60–62, 74]⁵.

Ни в одном другом из нескольких десятков публицистических сочинений, посвященных событиям «разорения русского» начала XVII в., таких гневных строк, как во «Временнике», о «первопрестольном» патриархе мы не найдем⁶. В представлении Тимофеева угодничество Иова, да и других святителей перед Борисом Годуновым во многом способствовало наступлению длительной Смуты, едва не погубившей страну, которую олицетворяют цари и патриархи [7, с. 150]⁷.

Преемником сосланного Лжедмитрием I Иова⁸, остававшегося «православным», сделался «несвященный» «Игнат»⁹, вслед за «Расстригой» посчитавший с остальными

⁴ Любопытно, что царевича Дмитрия Тимофеев сравнивает только с Глебом [7, с. 30, 49, ср. 20], очевидно, не желая упоминать даже имя убийцы «новомученика».

⁵ См. также: [8, с. 396]. В послании Лжедмитрия Иову патриарх назван изменником, «нелепым совещателем», «царского корени искоренителем», «златолюбия и сребролюбия желателем» [18, с. 242]. Эти определения, разумеется, не находят соответствий во «Временнике».

⁶ Под «отцначальником», т. е. патриархом [21, с. 120] (хотя однажды – в отрывке «О печи и ходех со кресты» – так говорится о новгородском митрополите Исидоре, [см.: 7, с. 138, 315, ср. 149, 326; 19, с. 138], «нужно» почившим в изгнании, который «не стерпе величества бед, ... ему же похвала не от человек, но от Бога» [7, с. 96], в «словах» Тимофеева имеется в виду скорее не Иов, как рассудила О.А. Державина, а, на что указал еще И.И. Полосин, Гермоген. Недаром о последнем там сказано, что он «от Бога венчан», стал исповедником. См.: [7, с. 164–165; 16, с. 168, ср. 184; 22, с. 15, 58, 81]. Вопреки мнению О.А. Державиной, Тимофеев не упоминал об изгнании патриарха из Москвы в годы Смуты [8, с. 395]. С точки зрения издательницы «Временника», на Иова намекал дьяк, когда возмущался тем, что Василий Шуйский не сообщил о своем спешном воцарении «первопрестольнейшему ... да не протисловие кое в людех будет, но яко просталюдина тогда святителя вмени: токмо последи ему о нем (занятии трона. – Я.С.) изъяви» [7, с. 101]. Этим патриархом, однако, знаменитый публицист мог считать Гермогена, поскольку именно тот якобы встречал в Москве принесенные из Углича мощи царевича Дмитрия [7, с. 49, 493, комм. 243; ср. 50, 477–478, комм. 136; 24, с. 43, 58, примеч. 109]. В действительности к тому времени преемник Игнатия еще не был хиротонисан. См.: [1, с. 111, 112; 11, с. 218–219].

⁷ Раздумывая о причинах затяжного лихолетья, Тимофеев пришел к убеждению, что виновны все – «от святитель и царя, инок же и святых», хотя, несмотря на грехи его обладателей, «престол святости», как и царский, является непорочным [7, с. 92, 107].

⁸ Тимофеев напомнил о том, что «великий», т. е. Иов, «поставил» будущего «самоцаря» в дьяконы [7, с. 84, 489. Комм. 211].

⁹ В переводе В.И. Охотниковой «несвященный» означает не «поставленный» в патриархи, а в переводе О.А. и А.М. Державиных – лишенный священного сана или, что, думается, вернее [ср.: 4, с. 8; 12, с. 241; 15, с. 132, 334, 338, 366, 454, 456, 460; 20, с. 218], священства [7, с. 257, 258; 15, с. 311, 313]. Патриарх Гермоген в «писании» дьяка однажды назван «верхом освященным». Как заметила издательница «Временника», «освященные» – это посвященные на служение Богу [7, с. 144, 457, комм. 27; ср. 18, 78, 84, 107, 134, 149, 152].

«Несвященным» в этой «хартице» назван и римский папа [7, с. 121]. Тимофеев вовсе не сообщает о «сношениях с Ватиканом» первого самозванца, как однажды утверждалось [8, с. 389].

«священносудящими», прельстившись «купно же не пастырски, но наемнически»¹⁰, что «латынскую» невесту «самоцаря», т. е. Марину Мнишек, нет нужды перекрещивать. Примечательно, что Гермоген однажды определяется в «сказаньях» дьяка как «второсвятейший по первем» патриарх¹¹. Стало быть, Игнат¹², который в отличие от предшественника и двух преемников оба раза назван «патриархом»¹³, отнюдь не признается во «Временнике» самым «святейшим верхом» и «пастырем православию» [7, с. 86–88, 164, 412, ср. 69, 71, 107, 144, 150, 164–166; 3, с. 613; 15, с. 24, 26, 64, 70, 74, 82, 84, 86, 92, 94, 102, 106, 112, 114, 116, 122, 124, 126, 170, 234, 236, 320, и др.]¹⁴.

Зато дьяк, служивший во многих приказах и городах, оставил немало восторженных оценок Гермогена¹⁵, которому посвящен небольшой отрывок произведения: «глава пресветлая» («всему Росийску жребию». – Я.С.) «муж апостолаобразный», «добре огненосный ревнитель ... за Христову веру». В представлении Тимофеева патриарх, прославившийся «поборательством» с «латынами» и русскими «богоотступниками», отличился «благой дерзостью и подвизанием до смерти», он на иноверцев и «антихристовых способников, иже от христиан ..., крепче храбрства, языком едином токмо со усты, яко мечем противныя немилостивне посекаяя», в том числе «ересиархов» М. Салтыкова и Ф. Андропова, других «злolyтых» крестопреступников [7, с. 144, 164–165].

«Неосвященным» Игнатий считается и в КЗ [19, с. 144)]. Подчас русские современники даже объявляли этого «греченина» еретиком [17, с. 67; 15, с. 376; 4, с. X]. Совсем иное отношение к Игнатию обнаруживается в послесловии к церковному уставу, переписанному (при Лжедмитрии I или вслед за его гибелью) попом Константином, на которое в начале прошлого века обратили внимание А.И. Соболевский и А.А. Титов.

¹⁰ Ср.: [15, с. 44; 20, с. 228].

¹¹ Князь И.А. Хворостинин же называл Гермогена – «мученика и страдальца Христова» – третьим по счету патриархом вслед за «первоначальником святейшим» Иовом и «беззаконным» Игнатием [15, с. 450].

¹² Так, а не Игнатий, «угодник и возлюбленный» царя-еретика именуется и в «Летописце выбором» [5, с. 246]. Заметим, что другого «стаинника» «преокаянного» Расстриги думного дьяка Афанасия Власьева Тимофеев называл Офонасом (Афонасом) [7, с. 86–87].

¹³ О.А. Державина, цитируя соответствующую фразу «Временника», назвала Игнатия патриархом [7, с. 489. Комм. 218].

¹⁴ Лишь крайне враждебные отзывы о Игнатии встречаются и в других публицистических сочинениях первой трети XVII в., а также более поздних летописях, вплоть до тобольской КЗ. Тем не менее в составленном патриархом Гермогеном перечне московских «первосвятителей» Игнатий Грек включен в их число [9, с. 16–18, 20], как и в настольной грамоте митрополита Сарского и Подонского Ионы рязанскому и муромскому архиепископу Иосифу за январь 1619 г. [2, с. 483]. Примечательно, что в данном перечне предшественником Иова назван митрополит Дионисий. Это обстоятельство, между прочим [см.: 21, с. 5, примеч. 4], опровергает мнение ряда исследователей, будто с низложением «граматика» Дионисия во главе Русской православной церкви оказался Иона.

¹⁵ Они, в частности, находят параллели в «Новой повести о преславном Росийском царстве», «Плаче о пленении и о конечном разорении Московского государства», преамбуле УГ 1613 г., Сказании о начале патриаршества в России, «Летописной книге» о Смутном времени, «Словесах ...» князя И.А. Хворостинина, так называемом Московском, Новом и Бельском летописцах, КЗ, в «агитационной письменности» 1611–1612 гг. [1, с. 299, 315, 321, 322, 326, 328, 333, 348–349, 351] и дипломатической документации начала царствования Михаила Федоровича. Несколько иначе, чем Тимофеев, отзывался о Гермогене автор «русских статей» Хронографа второй редакции, что вызвало «Отповедь в защиту» (по определению П.Г. Васенко) скончавшегося в заточении патриарха.

Отзывы Тимофеева о Гермогене явно перекликаются со свидетельствами (В.И. Корецкий приурочил их к 1629 г.¹⁶) из двух фрагментов «Временника», отведенных «трисвятейшему» Филарету Никитичу¹⁷. Этот «благочестия любитель и красота церковная», имея «первосвятительский чин (митрополита Ростовского и Ярославского. – Я.С.)», был «умолен ... соборне» просить королевского сына (Владислава. – Я.С.) «нам в десподство», но «латыне» «вселукавне» нарушили свое обещание, а «просителей» пленили. Находясь восемь лет в неволе, Филарет, – продолжает Тимофеев, – проявил «многую ревность, якоже Ильину о Бозе, в теснотах лютыя скорби, яже посреде латын бывшая, яко между волков¹⁸, ... не убоаяся туждих (чужих. – Я.С.) страха и прещения смертна, ... борясь препирая ... богоборных лжю и соперная их словеса посрамляя ... неисписанные подвиги ... христоподобно подъя». С возвращением Филарета от «запленения латын (из Речи Посполитой. – Я.С.)» Смута – «в конец земленое разорением запустение» – прекратилась, Бог «благого» государева отца «паствити люди своя воздвиже», и он, заняв «святительный превысокий престол», сделался, как ранее и мать Михаила Федоровича, «сопрестольным» сыну, «подтверждая» «скифетр царствия»; они, «купно соуказуя... и наставляя», «согласуя о мире», избавляют от горестей «сырых и немощных» [7, с. 160–161, 165–166, ср. 414]¹⁹.

Итак, Тимофеев, обличавший Иова и Игнатия (которого отказался считать патриархом) за сервильное отношение к «восхитившим» трон Борису Годунову и «Расстриге», видел в Гермогене и Филарете примеры настоящих, «апостолообразных» и даже «христоподобных» «первосвятителей», благодаря которым в пору страшных бедствий устои православия в «велицей» России остались непоколебимыми.

Литература

1. ААЭ. Т. II. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1836а. 394, 3, 15, [4] с.
2. ААЭ. Т. III. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1836б. 496, 24, [4] с.
3. Акты, относящиеся до юридического быта древней России / Изданы Археографическою Комиссиею, под ред. члена Комиссии Николая Калачева. Т. II. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1864. X с., 872 стб.
4. Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М.: Типография Штаба Московского военного Округа, 1907. 343 с.

¹⁶ Эта датировка отнюдь не бесспорна, как и вывод В.И. Корецкого о том, что Филарету (его Тимофеев однажды назвал «Богом данным ... управителем» царства сына) было известно о сочинении дьяка [7, с. 155; 11, с. 197, 198, 202]. См.: [22, с. 89].

¹⁷ В переводе соответствующего фрагмента говорится о «трижды святейшем» Филарете [7, с. 344], что представляется явной ошибкой. Очевидно, Тимофеев подразумевал, что отец «боголичного» царя Михаила стал третьим по счету патриархом Московским, т. е. оказался преемником Гермогена на «преосвященном велицем престоле» [ср. 4, с. 22; 7, с. 37, 114; 9, с. 16–18; 20, с. 201, 222, 232, и др.]. Напомним, что Иона с «Крутиц» в 1613–1619 гг. являлся лишь местоблюстителем патриаршей кафедры. См.: [26, с. 311–314]. Гермоген, кстати, в одном из документов назван «пресвятейшим» [1, с. 315].

¹⁸ Ср.: [20, с. 229].

¹⁹ С этим выразительным панегириком нетрудно сблизить сообщения про Филарета в десятках памятниках официальной книжности времени «первого Романова», начиная с УГ о его избрании на трон. В Новом летописце редакции конца 1620-х гг. отец Михаила Федоровича подобно «сказаньям» Тимофеева наделяется чертами святого и мученика [6, с. 316, 325; 25, с. 173, 193, примеч. 233, и др.]. Хронограф же Пахомия Астраханского середины XVII в. запечатлел враждебное отношение к патриарху, которого большинство историков признавало соправителем «тихомирного» сына.

5. Богданов А.П. «Летописец выбором» по Архивному и Благовещенскому спискам // *NOVOGARDIA*. 2020. № 2 (6): апрель – июнь. С. 226–253.
6. Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец: история текста. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 398 с.
7. *Временник Ивана Тимофеева* / Подг. к печ., перев. и комм. О.А. Державиной; под ред. члена-корреспондента АН СССР В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Академия Наук СССР, 1951. 512 с.
8. Державина О.А. Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник» // *Временник Ивана Тимофеева* / Подг. к печ., перев. и комм. О.А. Державиной; под ред. члена-корреспондента АН СССР В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Академия Наук СССР, 1951. С. 51–409.
9. Жуков Е.А. К вопросу об автографах патриарха Гермогена // *Вестник «Альянс-Архео»*. М.; СПб., 2016. Вып. 13. С. 3–22.
10. Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. Т. 7. М.: Мысль, 1989. 508 с.
11. Корецкий В.И. История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. М.: Наука, 1986. 270 с.
12. Корецкий В.И. Соловецкий летописец конца XVI в. // *Летописи и хроники*: 1980 г. М.: Наука, 1981. С. 223–243.
13. Лихачев Д.С. Подступы к решительным переменам в строении литературы // *ПЛДР*. М.: Художественная литература, 1987. С. 5–22.
14. Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М.: Наука, 1970. 180 с.
15. *ПЛДР*. М.: Художественная литература, 1987. 616 с.
16. Полосин И.И. Иван Тимофеев – русский мыслитель, историк и дьяк XVII века // *Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В.И. Ленина*. 1949. Т. LX. Вып. 2. С. 135–192.
17. *ПСРЛ*. Т. XIV. Первая половина. М.: Наука, 1965. [5], 154, 285 с.
18. *ПСРЛ*. Т. 34. М.: Наука, 1978. 304 с.
19. *ПСРЛ*. Т. 36. М.: Наука, 1987. 382 с.
20. Сапожникова О.С. О ранних редакциях Жития митрополита Филиппа: вопросы датировки и места создания // *Очерки феодальной России*. Вып. 21. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2020. С. 146–235.
21. Солодкин Я.Г. Анахронизмы в известиях «Книги записной» о московских «первосвятителях» конца XVI – начала XVII вв. (к определению источников Сибирского летописного свода старшей редакции) // *Православие: Наука: Образование*. 2020. № 1 (9). С. 4–7.
22. Солодкин Я.Г. «Временник» Ивана Тимофеева: Источниковедческое исследование. Нижневартовск: Нижневартовский государственный педагогический институт, 2002. 179 с.
23. Солодкин Я.Г. Земские соборы Московской Руси конца XVI века: Спорные проблемы истории и историографии. Нижневартовск: Нижневартовский государственный гуманитарный университет, 2010. 169 с.
24. Солодкин Я.Г. Межуусобная кровь пролилась: Очерки по истории публицистики и летописания в России конца XVI–XVII вв. Нижневартовск: Нижневартовский государственный гуманитарный университет, 2011. 223 с.
25. Солодкин Я.Г. Очерки по истории общерусского летописания конца XVI – первой трети XVII веков. Нижневартовск: Нижневартовский государственный гуманитарный университет, 2008. 237 с.
26. Устинова И.А. Яз, смиренный Иона, митрополит Сарский и Подонский меж патриархов ... // *Смутное время в России в начале XVII в.: поиски выхода: К 400-летию «Совета всея земли» в Ярославле: Мат-лы Междунар. науч. конф. (Ярославль, 6–9 июня 2012 г.)* / Под ред. докт. ист. наук, проф. В.Н. Козлякова. М.: ЗАО «2К», 2012. С. 308–317.

Список сокращений

ААЭ – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической Экспедицией императорской Академии Наук. Дополнены и изданы Высочайше учрежденною Комиссиею

КЗ – Книга записная

ПлДР – Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI – начало XVII веков

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

УГ – Утвержденная грамота

*Ya.G. Solodkin
Nizhnevartovsk, Russia*

THE FIRST MOSCOW PATRIARCHES IN THE ASSESSMENT
OF DYAK IVAN TIMOFEEV

Abstract. Ivan Timofeev, reflecting on the events and figures of Russian history in the mid-16th – early 17th centuries, left capacious assessments of the patriarchs Job, Ignatius, Hermogenes and Filaret, which had not previously been the subject of special consideration. The author of “Vremennik” often condemned the first of them for servility to Boris Godunov, especially at the time of the accession of the recent ruler, the second – the protege of False Dmitry I – generally recognized as “unholy”. But the clerk enthusiastically speaks of Hermogenes (since this “father” zealously defended the foundations of Orthodoxy from the “Latin”, as well as their Russian accomplices) and Filaret (being in Polish captivity, the Metropolitan fearlessly opposed the Gentiles, and on the patriarchal throne, being a co-ruler of his son, in addition to “Dispensation” surviving civil strife “took care of the” orphan and the weak). The original thinker in these reviews largely echoes his contemporaries, only Timofeev's judgments about Job have no analogies in the domestic journalism of the first third of the 17th century, which reflected the vicissitudes of “all-end ruin”.

Keywords: Clerk Ivan Timofeev, his “Vremennik”, the accession of Boris Godunov, Moscow Troubles, patriarchs Job, Ignatius, Hermogenes, Filaret, Russian journalism of the first third of the 17th century.

About the author: Solodkin Yankel Gutmanovich, Doctor of Historical Sciences, Nizhnevartovsk State University, Russia, roshist@mail.ru

© Солодкин Я.Г.